HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства
Author(s)	Миронов, Борис Н.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 16, 158-180
Issue Date	1998
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/40155
Type	departmental bulletin paper
File Information	16_158-180.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства

Борис Н. Миронов

Существует две основные идеальные модели общественной организации — общность (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). Наиболее полную характеристику этих моделей дал Ф. Тённис.[1] В общности господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении. Эти связи отчасти поддерживаются сознательно, но главным образом бессознательно, автоматически, по традиции. В обществе доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознает полезность и ценность, которой обладает, может или будет обладать один человек для другого. Эти отношения поддерживаются сознательно; эмоции при этом подавляются, так как они приводят к нерациональным решениям и затрудняют расчеты. В обществе взаимовыгодные отношения могут существовать между людьми, разделенными огромными расстояниями, религией или системой ценностей, между враждебными друг другу людьми, если эти отношения им выгодны. В общности это невозможно. В обществе господствуют как бы стерильные, свободные от эмоций, рациональные формы социального поведения, направленные исключительно на достижение выгоды, а в общности преобладают формы социального поведения, ориентированные на духовные ценности. Отношения в обществе имеют рациональную подоплеку, а в общности — моральную. В обществе части предшествуют целому и социальное целое является совокупностью частей, а в общности, наоборот, социальное целое доминирует над частями и целое логически предшествует частям. В общности господствует единая воля, связь между ее членами органическая — один за всех и все за одного. Эта коллективная воля может быть разумной, но одновременно нерациональной, поскольку стремится к общему благу, избегая точных расчетов и руководствуясь нерациональными соображениями, такими как честь, совесть, уважение и т. д. Напротив, в обществе царит индивидуальная воля, которая рациональна, так как построена на расчете и выгоде; связь между людьми является механической. Стремления членов общности направлены к достижению общей цели, а члены общества добиваются индивидуальных целей. Общность подразумевает спонтанное межличностное общение вне рамок социального времени и пространства, игнорирование ролей и статусов, создание равных, материально и социально недифференцированных отношений. Общество характеризуется признанием общественного статуса и роли человека, подчинением отно-

1 F. Tönnies, *Fundamental Concepts of Sociology* (Translated and supplemented by C.P. Loomis from *Gemeinschaft and Gesellschaft*), New York, NY, 1940.

шений между людьми определенным условиям, формальным правилам. Отношения в общности предполагают длительный социальный контакт или кровное родство. Они создаются и поддерживаются желанием участников, взаимным согласием, традицией, выступают как самоцель, а не как способ достижения специфических целей. Отношения в обществе вытекают из специфически рациональных целей, поставленных участниками; неформальность они заменяют официальностью, чувство — расчетом, устную договоренность — письменным договором, постоянность объединения субъектов отношений — ограниченным участием. Юридическая основа отношений в общности — обычай и традиция, а в обществе — писаный закон. Экономическая основа отношений в общности — ремесло и натуральное семейное хозяйство в земледелии, в обществе — торговля и промышленность.

Общность и общество — это идеальные, абстрактно сконструированные типы социальных организаций, практически не встречающиеся в чистом виде в жизни; это два полюса, между которыми находится все многообразие реальных организаций. В действительности почти каждая организация сочетает элементы обоих типов в разных пропорциях. Организации типа общности или общества носят общее наименование социальной корпорации, если они обладают внутренней структурой, если лица, выбранные на общественные должности, выполняют определенные функции и, что важно, их действия являются актами данной организации.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы в самом общем виде выяснить, какую эволюцию с конца XVII до начала XX вв. испытали сельские и городские общины, а также купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества — главные социальные организации населения России.

Сельские и городские общины до конца XVII в.

С самого начала государственной жизни России самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян одного или нескольких селений, а также жителей города в общественный союз во имя интересов общего блага, на основе общности территории и коллективного владения землей составляли, неотъемлемую и необходимую часть общественного строя страны. Общины складывались стихийно и являлись *неофициальными демократическими организациями* крестьян и горожан. Для этих двух разрядов населения община была основной социальной группой, в которой проходила вся их жизнь от рождения и до смерти. Община, будь то городская или сельская, называлась *миром*. Не случайно это же слово использовалось и в других значениях, как "вселенная", "народ", "спокойствие", "согласие"; определение "община" развилось из понятий "мир, мирное сообщество".[2] Действительно, община была для русских людей и вселенной и мирным сообществом, в котором их объединяли общая собственность, совместное производство, коллективная ответственность перед государством за налоги и преступления,

2 Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 165-166; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. С. 626.

совершенные на территории общины, социальная борьба, правосудие, религиозная жизнь, потребность в защите, организация досуга, взаимопомощь и другие групповые интересы.

Община решала, с одной стороны, насущные вопросы жизни своих членов, с другой — государственные задачи под общим руководством и контролем коронной администрации.[3] Один ряд функций общины вытекал из того факта, что община являлась неофициальной самоуправляющейся организацией, стихийно сложившейся в процессе трудовой деятельности и повседневного взаимодействия людей в силу соседства и необходимости поддерживать порядок на своей территории. Другой ряд ее функций обусловливался тем, что община использовалась в качестве низшего звена государственного управления. Двойственность стоявших перед общиной задач, ее *функциональный дуализм* — одновременное обслуживание потребностей живших на определенной территории людей и государства, интересы которых не всегда совпадали, — предопределили и *структурный дуализм* общины — существование неофициальной и официальной структур в общине. Но государство, не имея возможностей, в первую очередь финансовых, создать в общинах свою независимую структуру, нашло оригинальный способ решения проблемы — использовать существовавшую в общине неофициальную структуру (органы самоуправления и его руководителей), возложив на нее исполнение также и государственных функций. Такое решение в принципе удовлетворяло крестьян и посадских,[4] которые прекрасно понимали, что создание по-настоящему новой структуры потребует от них увеличения повинностей. *Официальная структура общины* — это ее формальная организация, иерархия должностных лиц, официально одобряемые нормы поведения, система санкций, утвержденных государством. Официальная структура являлась составной частью государственной, а в помещичьих имениях также и вотчиной системы управления, она обеспечивала выполнение общиной тех функций, которые удовлетворяли потребности коронной администрации в управлении и поддержании общественного порядка. *Неофициальная структура общины* — это неформальная организация, лидеры, нормы поведения и санкции, возникшие стихийно, неофициальным путем и поддерживаемые обычаем и традицией, — предназначалась для реализации групповых интересов крестьян и посадских.

Таким образом, до конца XVII в. в городах[5] и селениях[6] России существовал во многом похожий общественный порядок,[7] в основе которого лежала самоуправляющаяся община, являвшаяся общностью.

---

3 *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 210-218; *Градовский А.* Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1883. С. 63-80; *Носов. Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Швейковская Н.* Общинная власть в системе феодального административного управления России XVII в. В кн.: Чтения памяти В.Б. Кобрина. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 198-200.

4 Посадские — часть, обычно бóльшая, городского населения, которая платила налоги и выполняла государственные повинности.

Сельские и городские общины в XVIII - начале XX вв.

Крестьянская община в XVIII - первой половине XIX вв.

Основная тенденция в развитии сельских общин XVIII - первой половины XIX вв. состояла в том, что под давлением коронной администрации и помещиков в Центральной России — в зоне старого заселения — происходило усиление формальной структуры общины, расширение ее полицейской и податной функций, а на окраинах — в зоне нового заселения — приспособление ее неформальной структуры для выполнения крестьянами обязанностей перед государством и помещиками, другими словами, происходило более активное, чем прежде, включение сельской общины в систему государственного управления.[8] Наделяя общину административно-полицейской и податной функциями, власти оставляли за ней выполнение других функций, направленных на удовлетворение материальных, правовых и духовных потребностей крестьян. Вследствие этого шаг за шагом община из института преимущественно обычного права все более превращалась также в институт вотчинного и государственного права. Перестройку общины начали помещики, движимые стремлением увеличить свои доходы: они стали регулировать общинные отношения с помощью специально составленных инструкций, возложив надзор за их выполнением на органы общественного самоуправления.[9] Их примеру последовала администрация государственных (в 1797 г.) и удельных крестьян (в 1798 г.). Крестьянство в массе не противилось этому процессу по нескольким причинам. Во-первых, повышение роли общины как официальной организации устраняло опасность появления специальной правительственной службы в казенной деревне и уменьшало роль помещичьих агентов в помещичьей деревне. Во-вторых, усиление административно-полицейских

---

5 О городской общине XVI-XVII вв. см.: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 1, 2. М., 1909; *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 74-105; *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 316-323.

6 О сельской общине XVII в. см.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII - начало XVIII вв. М., 1976; *Богословский Е.Н.* Земское самоуправление. Т. 1, 2; *Он же.* Из истории поземельной общины на Русском Севере // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 2, 4. 1911; *Важинский И.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974; *Копанев А.И.* Крестьяне русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Иванов П.И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. М., 1901; *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI-XVIII вв. СПб., 1913.

7 *Щапов А.П.* Сельская община. В кн.: *Щапов.* Сочинения в 3 томах. СПб., 1906. Т. 1. С. 760-767; *Он же.* Городские мирские сходы. Там же. С. 783-803.

8 *Меморандов.* Крепостная община в России // Современник. Т. 105. № 11-12. 1864. С. 293-344.

9 *Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1906. С. 40.

функций помогало миру поддерживать общественный порядок, наказывать нарушителей общинных норм, бороться с побегами, которые тяжелым бременем ложились на оставшихся в общине крестьян, связанных круговой порукой. В-третьих, признание общины государством и помещиками, хотя бы de facto, легализировало общину и как институт обычного права.

Приобретение общиной статуса официальной организации вело к некоторой бюрократизации общинной жизни. Сначала этот процесс в большей степени затронул помещичьих крестьян, а затем и государственных. Бюрократизация выражалась в том, что увеличивалось число должностных лиц в общине, которые имели специализированные обязанности и наделялись официальной властью, что исполнение общиной полицейской и финансовой функций стало в большей степени, чем прежде, строиться не на обычае, а на четких писаных инструкциях, что возникало и увеличивалось делопроизводство, в котором отражалась деятельность общины, в частности, все решения схода фиксировались в протоколах (приговорах).[10] Традиционно принято рассматривать бюрократизацию общины как негативный процесс, ущемлявший интересы крестьян, усиливавший эксплуатацию и притеснение. При этом упускается из виду, что бюрократизация имела чрезвычайно важные позитивные последствия и для крестьянства. Во-первых, она ставила общинный порядок на прочное юридическое основание, тем самым трансформируя управление по устной традиции в управление по писаному закону. Во-вторых, сельская община превращалась в *сословную корпорацию крестьянства*, санкционированную государством и помещиками, благодаря чему крестьянство приобретало свою сословную организацию, что, как хорошо известно, являлось мощным оружием в борьбе за групповые или сословные интересы. В-третьих, четкое определение обязанностей общины и крестьян в инструкциях и уставах в то же самое время в значительной степени ограничивало произвол коронной и помещичьей властей этими же инструкциями и уставами. Конечно, инструкции и уставы, даваемые короной и помещиками крестьянам, не являлись жалованными грамотами, наподобие тех, которые Екатерина II дала дворянству и городам в 1785 г. Однако у них была с ними и общая цель — ввести в управление элементы законности, в которой одинаково нуждались как власть имущие, так и крестьяне.

Таким образом, в течение XVIII - первой половины XIX вв. усилиями крестьян, государства и помещиков община, сохранившись как институт обычного права, приобрела также черты института вотчинного и государственного права, а также сословной корпорации крестьянства. В этом своем качестве она удовлетворяла интересы всех заинтересованных сторон — крестьян, государства и помещиков. Например, административно-полицейская функция — самая официальная из всех функций общины — была равно необходима крестьянам, государству и помещикам, поскольку все три стороны одинаково нуждались в поддержании

10 *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII - первой половине XIX века. Л., 1981. С. 40-41. См. список 50 опубликованных инструкций за 1709-1837 гг. В кн.: *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII - начало XVIII в.). М., 1976. С. 319-322.

общественного порядка на территории общины. Однако в рассматриваемое время выборные не превратились в чиновников, власть не была отчуждена от рядовых членов, обычное право играло определяющую роль в жизни крестьян, межличностные отношения крестьян не потеряли своего соседского, товарищеского характера. Оборотной стороной процесса легализации сельской общины было усиление ее административно-полицейской функции, что превратило общину в один из субъектов крепостного права и создало еще один вид крепостнических отношений, который можно назвать *корпоративным крепостным правом*. Отдельный крестьянин попал под столь сильную власть и опеку общины, что не мог предпринять какое-нибудь важное действие без ее санкции. Помещик и государство — два других субъекта крепостнических отношений — часто были далеко от крестьянина, а община со своими огромными административными правами — всегда рядом.[11]

Крестьянская община в пореформенный период

Великие реформы 1860-х гг. внесли много нового в положение владельческих крестьян — они не только освободили их от помещичьей власти, но и ставили их отношения с властями на твердое юридическое основание, несли в деревню уси-

---

11 О сельской общине XVIII - первой половины XIX вв. см.: *Александров В.А.* Сельская община. В кн.: *Чистов К.В.* (ред.) Этнография восточных славян. Очерк традиционной культуры. М., 1987. С. 372-379; *Бусыгин Е.П. и др.* Общественный и семейный быт русского сельского населения среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX - начало XX вв.). Казань, 1973; *Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988; *Горюшкин Л.М.* (ред.) Крестьянская община Сибири XVII - начала XX в. Новосибирск, 1977; *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Она же.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991; *Кауфман А.А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907; *Он же.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908; *Колесников П.А.* Основные этапы развития северной общины. В кн.: *Колесников П.А.* (ред.) Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. С. 3-35; *Меморандов.* Крепостная община в России // Современник. Т. 105. № 11-12. 1864. С. 293-344; *Миненко Н.А.* (ред.) Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII - начала XX вв. Новосибирск, 1985; *Полонская Н.* Черты быта крепостных крестьян по данным вотчинного архива кн. Куракиных и господ Чичериных // Костромская старина. Вып. 7. 1911. С. 125-152; *Пушкарев С.Г.* Происхождение крестьянской передельной общины в России. Часть 1, 2. Прага, 1939, 1940; *Шапиро А.Л.* Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков. В кн.: *Колесников.* (ред.) Ежегодник по аграрной истории. С. 36-46; Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским географическим обществом. Вып. 1, 2. СПб., 1853; J. Blum, *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1961, pp. 504-535; St. L. Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*, Chicago and London, The University of Chicago Press, 1989, pp. 91-132.

ление законности. При этом общинный строй жизни не только не был поколеблен новым законодательством, но еще более утвердился, благодаря тому что реформаторы хотели, чтобы община помимо своих традиционных функций выполняла в отношении контроля над крестьянами и обязанности отстраненного от дел помещика. Законы 1861 г. утвердили единое для всех владельческих крестьян общинное устройство. А последовавшая реформа удельной (1863 г.) и государственной (1866 г.) деревни распространили его на другие категории крестьян. С этого времени все крестьянство находилось в равных правовых условиях и их жизнь регулировалась одними законами, исходившими от государства. Власть помещика устранялась, опека государства в бывшей казенной деревне ослабевала, жизнь крестьян в решающей степени ставилась в зависимость от них самих.[12]

Самое существенное изменение, которое принесла реформа, состояло в том, что значение формальной структуры сельской общины еще более повысилось, а неформальной — понизилось. Согласно новому законодательству, выборные считались *сельским начальством* со всеми вытекающими из этого последствиями. Закон четко определил их обязанности, усилил их подчиненность коронной администрации и ответственность перед последней за все, что происходило в общине: за плохое с официальной точки зрения выполнение служебного долга выборные могли подвергаться штрафу, непродолжительному аресту и суду, а за неправильные с точки зрения властей решения схода, которые обязательно записывались в специальную книгу, они несли *уголовную ответственность*. Досрочное отрешение от должности старосты стало прерогативой администрации. Выполнение выборными административно-полицейских обязанностей по закону ставилось исключительно под контроль коронной администрации, и лишь их деятельность по регулированию хозяйственной и бытовой жизни деревни оставалась под контролем общины. Наиболее важные из выборных — староста и сборщик податей — были обличены официальными административными полномочиями и подчинены выборной волостной и уездной коронной администрации. Срок службы старост был установлен в 2 года. Администрация делегировала выборным более значительную власть, чем они имели прежде. Староста получил право без санкции схода наказывать крестьян за некоторые проступки денежным штрафом и двухдневным арестом. Это способствовало росту бюрократизации общины, создавало предпосылку для превращения выборных, особенно главного из них — старосты, из охранителей общинных интересов в низших агентов администрации, так как они, по крайней мере на срок своих полномочий, стали более независимы от крестьян и более зависимы от коронных властей.

В сельских сходах по-прежнему принимали участие все дворохозяева, пользовавшиеся долей общинной земли; собирались сходы, как прежде, по мере над-

12 *Захарова Л.Г.* Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 5. С. 36-42; *Корнилов А.А.* Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля 1861 г. В кн.: *Дживелегов А.К. и др.* (ред.) Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 6. М., 1911. С. 137-157.

обности, но их деятельность была определена законом. Требование единогласия было отставлено — решение считалось правомочным, если в сходе участвовало не менее двух третей дворохозяев и если за него проголосовало по важным делам (передел земли, раскладка податей, исключение из состава общины и некоторые другие) две трети присутствовавших, по второстепенным делам — простое большинство. Общинная полиция выбиралась крестьянами, но контролировалась не только ими, но и коронной полицией. Для всех крестьян был создан выборный сословный волостной суд, который официально считался судом первой инстанции.

Таким образом, реформы 1860-х гг., в основном сохранив традиционное общинное устройство крестьян, внесли в него и много нового, особенно для бывших помещичьих крестьян. Они превратили некогда неформальную самодеятельную организацию из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица, регламентировали ее деятельность юридически и поставили под контроль коронной администрации. Переименование общины в сельское общество имело поэтому глубоко символическое значение — оно знаменовало *создание правовых предпосылок для превращения сельской общины из общности в общество.*

Однако сам по себе закон не мог в одночасье радикально трансформировать сельскую общину из общности в общество. Это требовало времени, но именно этот процесс лежал в основе всех изменений в пореформенной деревне.[13] Подчеркну, что *изменения были процессом*: происходило медленное вытеснение традиционного новым, новое сосуществовало или боролось со старым, в одних общинах прогресс был сильным, в других — заметным, в третьих — едва присутствовал. Именно поэтому в источниках встречаются противоположные утверждения. В конце XIX в. известный русский меценат князь В.Н. Тенишев составил анкету о быте великорусских крестьян, создал Этнографическое бюро, куда поступили 1873 ответа на его анкету из 23 губерний.[14] В ответах мы часто сталкиваемся с противоположными утверждениями корреспондентов, относящимся к быту крестьян одного уезда, не говоря уже о губернии. Так, из Владимирской губернии одни корреспонденты сообщали, что сходы происходили часто, крестьяне на сходы собирались охотно, коронных чиновников не боялись, выборное начальство уважали, нравы имели твердые, общественное мнение — сильное и т. д.; другие корреспонденты утверждали обратное — сходы редкие, на сходы крестьяне собирались неохотно, коронного начальства боялись и не любили, выборных не

13 *Краснова В.Б.* Крестьянское общественное управление в России в 60-80-е гг. XIX в. (по материалам Центрально-промышленного района). М., 1989; Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах (СПб., 1903), Т. 2. Проект положения о крестьянском общественном управлении; *Цитович Н.М.*, Сельское общество как орган местного управления. Киев, 1911. С. 1-126.

14 *Фирсов Б.М., Киселева И.Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 23-24.

уважали, нравы испортились и т.д.[15] При желании можно выбрать информацию, которая говорит только о стабильности или только об изменении общинного уклада жизни. Знакомство с материалами Этнографического бюро В.Н. Тенишева не оставляет сомнения в том, что крестьянский быт после эмансипации находился в состоянии серьезной пертурбации, которая однако не означала полного и окончательного разрыва с прошлым.

Изменения в общинной демократии происходили в направлении, намеченном реформой.[16] Обнаружилась тенденция к превращению выборных в чиновников. Некоторые эксперты по крестьянским делам, например Г.И. Успенский, уже в конце 1870-х гг. утверждали, что староста и сборщик податей превратились в "лица официальные, имеющие дело с начальством, да и выбираются они для начальства больше (чем для крестьян. - Б.М.). Выбрать же своего человека, который бы блюл общие интересы так же точно, как и свои собственные, оказывается невозможным".[17] Действительно, имелись объективные предпосылки для отрыва выборных от крестьян. Во-первых, выборные подчинялись коронной администрации, а последняя обрушила на них карательные меры за плохое исполнение обязанностей. Например, за 1891-1894 гг. в 48 губерниях за накопление крестьянских недоимок была наказана почти треть старост, в том числе 36 322 человека - арестом, 14 873 - штрафом, среди прочих выборных пострадали 4978 человек.[18] Выборные поневоле должны были усиливать давление на крестьян, что не могло не создавать напряженности между ними и крестьянами. Во-вторых, наметилась тенденция к закреплению выборных должностей за определенными лицами на длительный срок. Если до отмены крепостного права староста обычно переизбирался ежегодно, то после 1861 г. — каждые два года, а фактически служил дольше: в 1880 г. средний срок службы 85,1 тысячи старост составил 2,4 года, из них 67% служили первый срок, 27% - второй, а 6% - третий и более срок; средний срок службы волостных старшин и писарей был еще больше - 3,2 года, из них 49% служили 2 и более срока.[19] Однако выборные не стали чиновниками. Общественное мнение, отсутствие у них значительных привилегий, постоянная связь с избирателями и материальная зависимость от них (крестьяне платили выборным жалованье) помешали этому.

Вполне оправдались надежды правительства на изменение порядка принятия решений на сходах. Первые 20-25 лет после реформы крестьяне стремились

15 Там же. С. 45-50, 54-55.

16 *Риттих А.А.* Крестьянский правопорядок (Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов). СПб., 1904. С. 129-292.

17 *Успенский Г.И.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1956. С. 128.

18 *Анфимов А.М.* Экономическое положения и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984. С. 92.

19 Статистические материалы по волостному и сельскому управлению 34 губерний, в коих введены земские установления (Составлено в канцелярии высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления). СПб., 1885. Табл. 4.

к единогласию.[20] Но затем под влиянием усилившихся разногласий в общине консенсус стал невозможным и решения принимались простым или квалифицированным большинством голосов. Традиционные взгляды изменились до такой степени, что крестьяне перестали считать, что большинство всегда право. Меньшинство стало жаловаться властям на большинство в тех случаях, когда для принятия решения закон требовал квалифицированного большинства в две трети, а оно принималось простым большинством. И власти шли навстречу меньшинству и отменяли незаконные решения, принятые большинством — так закон вытеснял обычай.[21] Сходы и до отмены крепостного права часто были ареной жарких споров. Но в пореформенное время, по мере роста внутренних противоречий в общине сходы превращались в "настоящие парламенты" с партиями единомышленников, с "настоящей парламентской борьбой, так как парламентские приемы, подвохи, подходы отлично разработаны деревней".[22]

С 1861 по 1917 г. сельская община развивалась противоречиво: одни ее функции совершенствовались, другие — атрофировались, третьи — оставались без изменения; одни крестьяне поддерживали традиционные устои, другие — были ими недовольны и хотели их перестройки, третьи — проявляли индифферентность. Какие же процессы доминировали, каких крестьян было больше, насколько прочным был общинный уклад крестьянской жизни к 1917 г.? Ни современники, ни историки не дали однозначного ответа. Противоречивость развития общины создает предпосылку для преувеличения значения той или другой тенденции. Правильно ответить на поставленный вопрос можно, опираясь на массовые статистические данные. Такую возможность создают сведения о степени разложения общинного строя с 1861 по 1906 г. и данные о проведении Столыпинской аграрной реформы в 1906-1916 гг.

Несколько слов о самой Столыпинской реформе. До 1906 г. государство всей силой своей власти поддерживало общину. В 1861-1893 гг. свободный выход из общины разрешался только при условии полной выплаты выкупа за землю, а при неуплате выкупа требовалось разрешение схода. Внести всю выкупную сумму могли немногие крестьяне, а разрешение на выход при неуплате выкупа получить было невозможно. С 1893 г. государственная поддержка общины стала еще более сильной — выйти из общины при уплате или без уплаты выкупа можно было только с разрешения схода и коронной администрации в лице земского начальника. Поскольку община соглашалась на выход очень неохотно, а земский начальник — еще неохотнее, то закон 1893 г. почти блокировал легальную возможность выхода из общины. В основе поддержки общины, как заметил С.Ю. Витте, лежало убеждение, что "с административно-полицейской точки зрения, община представляла удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности".[23]

---

20 Сборник материалов для изучения общины. Т. 1. СПб., 1880. С. 163, 185, 371; *Тенишев В.В.* Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С. 7-8, 44-53.

21 *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. М., 1992. С. 234.

22 Там же. С. 233-237; *Успенский.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 217.

23 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1923. С. 404.

По закону от 9 ноября 1906 г. крестьяне получили право выходить из общины и укреплять землю в личную собственность[24] без ее согласия, причем эти выходы государство всячески поддерживало. Поворот в аграрной политике был вызван тем, что во время революции 1905-1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки. Потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины.

В ходе Столыпинской реформы, в 1907-1916 гг., официально и добровольно порвали с передельной общиной всего 3,1 млн. дворов из 10,7 млн. дворов, или 29%. 747 тыс. дворов, официально заявивших о выходе, в конце концов остались в общине. Причины были самые разные — сомнения, скоропостижная смерть и т.п., но, по-видимому, важнейшая из них состояла в трудности выхода. Несмотря на поддержку государства и безусловное право выхода каждого желающего, осуществить выход было нелегко, так как в 73% случаев вследствие противодействия общины выход был сопряжен с конфликтом. При полюбовном расставании с ней выделявшийся сам договаривался с общиной, какую землю и где он получит, — таких случаев было всего 27%. При конфликтном расставании размежевание с общиной производили специальные государственные землеустроительные комиссии, и это, как правило, сопровождалось скандалом и насилием. Жить во враждебных отношениях с общиной было крайне трудно, поэтому, сделав официальное заявление о выходе из общины, многие не могли или побоялись его реализовать. Однако какие бы обстоятельства не заставили крестьян отказаться от намерения выйти из общины, мне кажется, что тех, кто сделал заявление о выходе из общины, но этого в конце концов не сделал, нельзя считать вполне удовлетворенными общинными порядками. Другая, еще бóльшая часть недовольных, но оставшихся в общине крестьян - 2,3 млн. дворов к 1917 г. — проживала в общинах, которые не практиковали переделы с 1861 г. Вероятно, она была удовлетворена порядками, установившимися в беспередельной общине, которую можно считать промежуточной формой между традиционной передельной общиной и хутором или отрубом.[25]

Итак, к 1917 г. *полностью порвали* с общинным укладом жизни, укрепив землю в собственность, 3,1 млн. дворов; *наполовину порвали* с передельной общиной, перейдя к фактически подворной собственности, - 2,3 млн.; *испытывали неудовлетворение* общинными порядками, но остались в общине 0,747 млн. дворов. Следовательно, всего в той или иной степени недовольных общинным строем жизни к 1917 г. насчитывалось около 6,1 из 10,7 млн. дворов, или 57% всех крестьян, живших до Столыпинской реформы в условиях передельной общины. Приведенные данные позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, общинные порядки не были насильственно сломаны Столыпинской реформой; как до реформы, так и после нее *проходил естественный процесс разложения общины и*

24 Личная собственность не была вполне равна частной, так как крестьяне, владевшие землей на праве личной собственности, могли продавать ее только крестьянам, закладывать ее только в Крестьянском банке, а не в частных кредитных учреждениях.

социальных отношений общинного типа, что объясняет существование промежуточных форм разрыва с общинным укладом. Во-вторых, в пореформенное время доминировала тенденция, разрушающая общинный уклад жизни, а экономические и юридические препятствия для выхода из общины, существовавшие до 1906 г., тормозили ее распадение. Иначе трудно представить, учитывая традиционализм крестьян и их недоверие к переменам, как целая треть крестьянства в течение 9 лет, за 1907-1915 гг., могла расстаться с передельной общиной.

Приведенные данные дают также основание для заключения о том, что Столыпинская реформа ускорила те процессы в деревне, которые и без нее проходили довольно интенсивно, что она являлась насилием над крестьянством главным образом в том смысле, что позволила меньшинству выйти из общины вопреки мнению большинства. Но, с другой стороны, она прекратила насилие большинства над меньшинством, которое не хотело продолжать жить в условиях общинного уклада, — напомню, что 73% крестьян укрепило землю в собственность против воли большинства односельчан. Столыпинская реформа была прервана войной. С большой вероятностью можно предположить, что если бы не война, распадение общины продолжилось бы, так как в 1917 г. существовал значительный резерв для продолжения реформы, во-первых, из крестьян, недовольных общинным порядком и изъявивших желание порвать с ним в 1907-1915 гг., но по разным причинам не сделавших это (747 тыс. дворов), во-вторых, из крестьян беспередельных общин, официально не оформивших переход к подворно-участковому землевладению в течение 1907-1915 гг. (2,3 млн. дворов).

---

25 О Столыпинской реформе см.: *Герасименко Г.А.* Борьба крестьян против Столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985; *Дякин В.С.* (ред.) Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 349-374; *Он же.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12; *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52-72; *Лосицкий А.Е.* Распадение общины. Распадение общины до указа 9 ноября 1906 г. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба. СПб., 1912; *Он же.* К вопросу об изучении степени и форм распадения общины. М., 1916; *Чернышев И.В.* Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. К вопросу об общине. СПб., 1911; *Огановский Н.П.* Революция наоборот (Разрушение общины). Пгр., 1917; *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. М., 1973; *Он же.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской реформы. Л., 1962; *Теляк Л.В.* Столыпинская аграрная реформа. Историография. 1906-1917 гг. Самара, 1995; A.D. Bilimovich, "The Land Settlement in Russia and the War," in: *Russian Agriculture during the War*, New York, Greenwood Press, 1968, pp. 303-388; M.S. Controy, *Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politic in Late Tsarist Russia*, Boulder, Westview Press, 1976; D.A.J. Macey, "The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906-1917," in: R. Bartlett (ed.), *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, New York, St. Martin's Press, 1990, pp. 219-236; Idem, *Government and Peasant in Russia 1861-1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms*, DeKalb, ILL., Northern Illinois University Press, 1987, pp. 219-236; G.L. Yaney, *The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia, 1861-1930*, Urbana et al., University of Illinois Press, 1982.

Если говорить о всем крестьянстве Европейской России, то к 1917 г. крестьяне-собственники численно преобладали над крестьянами-общинниками. Крестьянство Украины и Белоруссии после реформ 1860-х гг. сразу перешло к подворной беспередельной общине; после отмены выкупных платежей с 1 января 1907 г. и закона о свободном выходе из общины 1906 г. они стали собственниками своей земли. Крестьяне Прибалтики общины вообще не знали. Всего в этих трех районах в 1916 г. насчитывалось примерно 3,8 млн. дворов.[26] Таким образом, на 1 января 1917 г. в Европейской России из 15,8 млн. дворов на долю крестьян-общинников (продолжавших жить в передельной общине) приходилось 6,3 млн. дворов, или 40%, на долю крестьян, проживавших в *официально* подворных беспередельных общинах, - 3,8 млн. дворов, или 24%, на долю крестьян, проживавших в *фактически* беспередельных общинах - 2,3 млн. дворов, или 15%, на долю крестьян-собственников - 3,1 млн. дворов, или 20% (из них землеустроенных, то есть размежеванных с общиной, - 1,5 млн. и выделенных на хутора и отруба - 1,6 млн. дворов[27]). Отсюда видно, что несмотря на ощутимые потери, общинный строй к 1917 г. был еще достаточно силен, в особенности в великороссийских губерниях: *на традиционном общинном праве продолжали жить две трети русских крестьян*, из них одна половина хранила верность мирскому строю из принципа, а вторая — из-за нерешительности; выход же из общины наиболее недовольных ею, скорее всего, консолидировал оставшихся.

Возникает вопрос, если передельно-общинные порядки приходили в упадок и имели много противников, если в их справедливости многие сомневались, почему после Октябрьской революции 1917 г. произошло оживление передельной общины? (Напомним, что к 1922 г. в Советской России 85% всей земли находилось в общинной собственности, в 67% общин произошел общий передел земель[28]). Каким образом крестьянам, оставшимся в общине, удалось вернуть всех "столыпинцев" в общину и пустить земли, принадлежавшие им и помещикам, в общий передел? Вероятно, произошло следующее. К 1917 г. формально из передельных общин вышла только треть крестьян, к тому же их силы были раздроблены и распылены, так как половина из них жила на хуторах и отрубах, а вторая половина оставалась на старых местах жительства и находилась в сложных отношениях с общинниками. Еще почти четверть крестьян сомневалась и колебалась, но все-таки оставалась в общине. В отличие от них 40% крестьян, принципиально сохранивших верность общине, *были сплочены и решительны*. Огромная потенциальная добыча в виде земель помещиков (49 млн. гектаров), хуторян и отрубников (19 млн. гектаров)[29] превратила сомневающихся в сторонников передельной

26 *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. С. 97.

27 *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907-1916 гг. и судьба во время революции (1917-1920 гг.). М., 1922. С. 7-8, 46-47.

28 Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. М., 1924. С. 98.

29 *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М., 1975. С. 94-95, 191; *Першин.* Участковое землепользование в России.

общины, а объединившись с убежденными общинниками, они вместе стали непобедимой силой. Весьма существенно отметить, что крестьяне не знали другого способа переварить около 68 млн. гектаров земли, кроме уравнительного передела добычи, — ведь землю нужно было поделить между всеми *по справедливости*. Кроме того, в случае реставрации старого режима, возвратить помещикам их земли, которые мир разделил между всеми, было просто невозможно, так же как и невозможно было наказать виновных. Как говорили русские пословицы: "На мир и суда нет, мир один Бог судит"; "В миру виноватого нет. В миру виноватого не сыщешь".[30] Добавим, что новая государственная власть и советские законы поддерживали политику возрождения общины,[31] что также явилось немаловажным фактором ренессанса общинных порядков.[32]

Городская община в XVIII - начале XX вв.

В конце XVII в. различия в общественном быте посадского и крестьянского населения были несущественными, посадская община выполняла те же функции,

30 *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 404-405.

31 *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 106-138; *Кабанов В.В.* Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. Том 111. 1984.; D. Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905-1930*, Stanford, CA, Stanford University Press, 1983, pp. 165-188; O. Figes, *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution 1917-1921*, Oxford, Oxford University Press, 1989; Idem, "The Russian Peasant Community in the Agrarian Revolution, 1917-1918," in: Bartlett (ed.), *Land Commune*, pp. 237-253; Idem, "Peasant Farmers and the Minority Groups of Rural Society: Peasant Egalitarianism and Village Social Relations During the Russian Revolutions (1917-1921)," in: E. Kingston-Mann, T. Mixter (eds.), *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800-1921*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1991, pp. 378-402.

32 Сельской общине пореформенного времени посвящена огромная литература, насчитывающая несколько тысяч книг и статей. Укажу последние работы: *Громыко А.М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Зырянов.* Крестьянская община Европейской России; *Кучумова Л.И.* Сельская поземельная община Европейской России в 60-70-е гг. XIX в. // Исторические записки. Том 106. 1981. С. 323-347; *Она же* (сост.). Документы по истории крестьянской общины 1861-1880 гг. М., 1987; Bartlett (ed.), *Land Commune and Peasant Community*; B.N. Mironov, "The Russian Peasant Commune after the Reforms of the 1860s," *Slavic Review*, Vol. 44, No. 3, Fall 1985; J. Pallot, D.J.B. Shaw, *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613-1917*, Oxford, Clarendon Press, 1990, pp. 136-164; Ch.D. Worobec, *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1991. Более полную информацию о литературе по проблеме общины см. в историографических работах: *Дубровский С.М.* Российская община в литературе XIX - начала XX вв. (Библиографический обзор). В кн.: *Яцунский В.К.* (ред.) Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 348-361; B. Eklof, "Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914)," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 36, Hf. 1, 1988, S. 57-79; M.B. Petrovitch, "The Peasant in Nineteenth Century Historiography," in: W.S. Vucinich (ed.), *The Peasant in Nineteenth Century Russia*, Stanford, CA, California University Press, 1970, pp. 191-230.

что и крестьянская община; та и другая были отмечены функциональным и структурным дуализмом и выступали субъектами корпоративного крепостничества. Магистратская реформа 1721 г., с одной стороны, консолидировала посадскую общину, с другой — разделила ее на гильдии и цехи, что создало предпосылки в последующем для фрагментации единой посадской общины. Компетенция и структура посадской общины оставались в основном прежними, но деятельность органов самоуправления стала приобретать черты бюрократической организации, что постепенно изменяло характер межличностных отношений в общине.

Реформы 1775-1785 гг. имели более серьезные последствия. Они, во-первых, усилили структурный и функциональный дуализм органов самоуправления, деятельность которых была формализована и бюрократизирована в такой же степени, как и коронных учреждений, а компетенция сужена, во-вторых, освободили купечество от корпоративного крепостничества, в-третьих, разделили прежде единую посадскую общину на купеческое, мещанское и ремесленное общества, слабо связанных между собой. Члены каждой сословно-профессиональной корпорации были в достаточной мере солидарны, имели самоуправление, общие потребности, общее имущество, активно взаимодействовали друг с другом, а члены мещанских и ремесленных обществ были также связаны круговой ответственностью. Это создавало предпосылки для сохранения в них отношений общинного типа. Реализации этих предпосылок в крупных и средних городах препятствовали возраставшая мобильность, а также имущественная и социальная дифференциация между членами обществ. Но в малых городах с мещанским населением, занятым преимущественно в сельском хозяйстве, где центром общественной жизни являлась поземельная община, а не городская дума и магистрат, образование специальных мещанских корпораций способствовало временному укреплению в них общинных отношений.

Реформы 1860-х гг. и Городовое положение 1870 г. освободили мещан и ремесленников от корпоративного крепостничества, но одновременно нанесли окончательный удар по общинным отношениям в среде городского сословия, составлявшего свыше половины всего городского населения. Реформы превратили городские общества из сословных во всесословные, изъяли государственные функции из компетенции органов самоуправления, тем самым ликвидировав их функциональный и структурный дуализм. На всех уровнях непосредственная *демократия была заменена представительной, но высокие цензы отдали самоуправление* в городских думах и сословно-профессиональных корпорациях в руки немногочисленной элиты, составлявшей 4-5% всего городского населения. С этого времени можно говорить об отчуждении власти от рядовых граждан, о юридическом разделении горожан на элиту и плебеев. Это окончательно разрушило остатки общинных отношений в традиционных корпорациях городского сословия, которые еще некоторое время теплились лишь в поземельных общинах мещан-земледельцев. Освобожденные в результате великих реформ 1860-х гг. от многовековой опеки традиционных корпораций каждая отдельная семья, каждый человек должны были самостоятельно заботиться о своем благополучии, контролировать свое поведение, защищать себя и т.д. Хотя некоторая помощь

оказывалась государством, городским обществом, сословными корпорациями, разного рода частными организациями, но основная забота падала на семью и самого человека, который стал гражданином, свободным и сам на себя полагающимся индивидуумом. В среде городского сословия в начале XX в. межличностные отношения общинного типа превратились по преимуществу в отношения общественного типа.[33] Интересно отметить, что этот процесс мало затронул другую многочисленную категорию городского населения — рабочих, кадры которых формировались из крестьянства и разорившегося мещанства. Общинные отношения, вероятно, преобладали среди всех категорий городских рабочих вплоть до 1917 г.[34]

Дворянская корпорация в XVII - начале XX вв.

В XVI-XVII вв. жизнь и служба дворянина протекала в рамках служилого города, который был прежде всего военной организацией, предназначенной государством для контроля за несением службы, но на практике являлся также корпорацией уездного дворянства с элементами самоуправления. В его структуре и функциях имелись лишь некоторые элементы общинной организации: урав-

---

33 Важнейшие работы по истории городской общины: *Богоявленский С.К.* Состав московского слободского схода. В кн: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 322-329; *Он же.* Научное наследие. С. 74-137; *Он же.* Московские слободы и сотни в XVII веке. В кн.: *Бахрушин С.В.* (ред.) Московский край в его прошлом. Часть 2. М., 1930. С. 115-131; *Вилков О.Н.* (ред.) Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 134-142; *Ган И.А.* О настоящем быте мещан Саратовской губернии. СПб., 1860. С. 1-42; *Дитятин И.И.* Устройство и управления городов России. Т. 1, 2. СПб., 1875; *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903; *Он же.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915; *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х годов XIX в. Л., 1984; *Она же.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX - начале XX века. СПб., 1994; *Пажитнов К.А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952; *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852; *Пригара А.* Опыт состояния городских обывателей в Восточной России. Часть 1. Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868; *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; *Соловьев С.М.* Русский город в XVII в. // Современник. 1853. № 1; *Стратилатов.* Несколько слов мещанина о мещанах // Парус. 1855. № 1; Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Часть 1-2. СПб., 1863; B.N. Mironov, "Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City," *Slavic Review*, Vol. 52, No. 2, 1993, pp. 233-255.

34 Y. Tsuchiya, "Notes on Working Class Culture in Late Imperial Russia," in: T. Hara, K. Matsuzato (eds.), *Empire and Society: New Approaches to Russian History*, Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997, pp. 23-40.

нительная раскладка служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных лиц, за которых они ручались перед государством. Во всем остальном он отличался от общины. Члены служилого города жили в одном уезде, но они не были соседями в истинном значении этого понятия — их поместья находились на большом расстоянии друг от друга. По причине плохих коммуникаций они не имели постоянных контактов во время своего пребывания в деревне, а на службе были связаны формальными отношениями. В свободное от службы время каждый дворянин жил сам по себе со своей семьей в деревне. Служилый город по основным своим характеристикам приближался к обществу. В то же время подобно крестьянской и посадской общинам, в его самоуправлении участвовали все члены корпорации, и он обладал структурным и функциональным дуализмом: выполнял государственные задачи, но не забывал и о своих дворянских интересах, обладал самоуправлением, но оно использовалось короной для целей государственного управления, имел выборных, но они являлись не только защитниками интересов избирателей, а и командирами над ними. Дворяне несли индивидуальную ответственность за свою службу, за обязательства и долги; они не знали круговой поруки, коллективной собственности на землю и другое имущество, которым владели индивидуально и распоряжались по своему личному усмотрению даже до 1762 г., когда земля не являлась их безусловной частной собственностью. Дворяне одного служилого города поддерживали тесные связи друг с другом и почти все они знали друг друга лично. Но их контакты, как правило, не переходили границы вежливых, уважительных, формальных отношений, которые устанавливались на иных, чем соседство, родство и товарищество основаниях.

К началу XVIII в. служилый город перестал отвечать требованиям времени и прекратил свое существования, но дворянская корпорация не умерла вместе с ним. На новых основаниях она возродилась в течение 1761-1785 гг. и получила законодательное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. как *губернское дворянское общество*, которое принципиальным образом отличалось от крестьянской или городской общины. Оно объединяло свободных людей высокого социального статуса, управлялось представительным собранием, состоявшем из лиц, отвечавшим определенным цензам, не имело принудительного характера и административно-полицейской власти над своими членами, его организация и компетенция были четко определены в законе. Дворянское общество, подобно крестьянским и городским общинам, было отмечено структурным и функциональным дуализмом, поскольку обслуживало как местные, сословные, так и государственные интересы, но оно, в отличие от них, было еще теснее связано с государством. Последнее считало дворянские общества своей социальной опорой в провинции и возлагало на них большие обязанности по местному коронному управлению.

Еще до великих реформ 1860-х гг. каждое дворянское общество представляло из себя в зародыше *маленькое гражданское общество в губернском масштабе*, если под последним иметь в виду независимое от государства сообщество свободных граждан со своей организацией, через которую они имеют право и возможность

влиять на политику правительства.[35] Органы дворянского общества действовали по закону и на основе разделения властей: распорядительная власть принадлежала дворянскому собранию, исполнительная — предводителям, ревизионная — депутатским собраниям, судебная — уездному и верхнему земскому суду. Закон установил компетенцию всех органов дворянского самоуправления, определил отношения между ними и между ними и членами дворянских обществ, установил четкие процедуры для дискуссий, принятия решений и их реализации. Дворянское общество имело свой представительный орган в лице дворянского собрания, в деятельности которого можно видеть зачатки парламентаризма: там действовали заинтересованные группы лиц, иногда с различными политическими взглядами; эти группы по определенным правилам и в рамках закона вели борьбу за достижение своих целей. Не случайно именно в дворянских обществах впервые зарождались идеи введения в России конституционного порядка, ограничения самодержавия, создания всероссийской политической организации. Дворянские общества имели реальную возможность влиять на губернскую и центральную коронную администрацию.[36]

Итоги: от общности к обществу

В продолжение императорского периода главными социальными организациями российского населения являлись крестьянская и городская общины, купеческое, мещанское, ремесленное и дворянское общества. Эти организации, с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, основополагающих принципов жизни с течением времени, становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические основания; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе заменялась объединением, основанным главным образом на законном порядке и на обмене услугами. Другими словами, главные сословные организации населения эволюционировали в направлении от общности к обществу (от Gemeinschaft к Gesellschaft), благодаря чему *социальные отношения модернизировались* — и в этом состояло одно из принципиальных

35 *Аверьянов Ю.И.* (ред.) Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 75-78.

36 *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. СПб., 1906; *Новосельский А.А.* Распад служилого "города" в XVII в. (по десятням). В кн.: *Устюгов Н.В.* (ред.) Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 231-253; *Он же.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.

изменений природы русского общества императорского периода.

Ввиду того что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, с одной стороны, мещанское, ремесленное и купеческое общество — с другой, и дворянское общество — с третьей, представляли собой как бы три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство.

Какие факторы предопределили упадок общности?

Юридическое признание стихийно сложившихся корпораций со стороны государства, приобретение ими официальных функций и формальной структуры играли важную роль в трансформации их из общности в общество. Существенное влияние также оказывал рост числа членов корпорации. В крестьянской общине число членов постепенно увеличивалось благодаря естественному приросту населения, в городах — главным образом благодаря миграциям. В XVIII в. сельская община в 200-300 человек считалась крупной, а в 1905 г. ее средняя населенность крестьянской общины составляла 432 человека. Среднее число посадских/граждан в одном городе равнялось в 1652 г. 1,3 тыс., в 1722 г. - 2,1 тыс., в 1825 г. - 2,5 тыс. человек; средняя людность города в 1856 г. достигла 8,5 тыс., а в 1910 г. - 25 тыс. человек.[37] Поддерживать дружеские или просто соседские отношения с таким большим числом людей становилось затруднительно чисто технически, а также и потому, что чем больше становилось людей в корпорации, тем меньше между ними было единодушия и единства взглядов, тем больше было несогласия и споров, тем больше возникало групп людей с различными интересами, тем неоднороднее во всех отношениях становились члены одной корпорации.

Разъедало общность вселение на территорию крестьянских и городских общин представителей других профессиональных и социальных групп, в деревне — мещан и купцов для занятия предпринимательской деятельностью, в городе — крестьян, дворян и т.д. За 1858-1897 гг. в Европейской России в деревнях (без военного сословия) доля некрестьян увеличилась с 5,7 до 9,7% всего сельского населения, в том числе мещан и купцов - с 2,5 до 6,1% (с 1249 до 4906 тысяч), а на территории города доля мещан и купцов уменьшилась с 63,6 до 22,3%.[38] Разрушала общность также и культурная, политическая и экономическая деятельность множества новых организаций в деревне и городе, таких как земства, кредитные учреждения, благотворительные, женские, просветительские общества, полити-

37 Подсчитано по: *Водарский Я.Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. В кн.: *Шунков В.И.* (ред.) Города феодальной России. М., 1966. С. 280; Статистика землевладения в 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 128-129; Th.S. Fedor, *Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century*, Chicago, The University of Chicago, 1975, pp. 183-205.

38 *Бушен А.* (ред.) Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. СПб., 1863. С. 276-293; *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* Т. 1. СПб., 1905. С. 160-163.

ческие партии и т.п., которые обогащали членов общин новыми идеями и моделями поведения.

Большая роль в распаде общности принадлежала развитию товарно-денежных отношений и превращению самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих. В этом отношении городское сословие и крестьянство сделали огромный скачок. Среди городского сословия купцы были постоянно связаны с рынком, причем именно они играли главенствующую роль в самоуправлении городской общины. Контакты с рынком у мещан и ремесленников со временем существенно возрастали, вследствие того что переходили с работы на заказ на работу на рынок, многие из них лишались своего собственного бизнеса и становились рабочими. Среди земледельцев процесс раскрестьянивания едва начался в конце XIX в., но зато товарность их хозяйства сделала значительный прогресс: в начале XIX в., по приблизительным оценкам, она составляла 9-12%, в 1850-е гг. -17-18%, в 1909-1913 гг. - около 31% чистого сбора основных земледельческих продуктов.[39] Товарная продукция в России на душу населения за 1749-1888 гг. возросла, по некоторым расчетам, в 2,2 раза.[40]

Повышение грамотности, секуляризация сознания, изменение менталитета различных сословий также способствовали трансформации корпораций из общности в общество. Здесь весьма существенным было утверждение в массовом сознании идеи о ценности самостоятельной и независимой личности. В дворянской и разночинской среде это произошло в конце XVIII - начале XIX вв., в разных стратах городского сословия — в течение XIX в., в среде крестьянства — после эмансипации. По единодушному мнению современников, врагом общины являлся индивидуализм. Ранее всего его проявления обнаружились у дворянства, затем — у городского сословия, в последнюю очередь — у крестьянства, соответственно от общинных форм жизни первыми отказывались дворяне, затем — купцы, потом — мещане и ремесленники и последними — крестьяне. Думаю, что народники правильно отмечали способность многих крестьян "работать только под чужим загадом, под чужим руководством".[41]

Сравнение эволюции крестьянской и городской общины, а также дворянского общества позволяет сформулировать предварительные ответы на вопрос: почему социальная организация типа общности просуществовала дольше всего у крестьян, меньше у городского сословия, а у дворян ее практически не было вовсе?

Община долго соответствовала представлениям русского народа о правильной и справедливой организации социальной жизни людей, а существовавшие в ней межличностные отношения — религиозному идеалу человеческих отношений,

---

39 *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 96-98, 340; *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., 1973. С. 104; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 213.

40 *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 160.

41 *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С. 286-287.

который поддерживала православная церковь. Вот почему крестьяне и вслед за ними беднейшая, но наиболее многочисленная часть городского сословия — мещане, на протяжении всего императорского периода проявляли особенно большую склонность к организациям общинного типа. Помимо сельской и посадской общины они выработали другую, родственную им по духу форму организации — артель, которую мы встречаем всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне крестьянской или посадской общины. Артель адаптировала общинные принципы и порядки к особенностям этой деятельности: солдаты создавали артели в армии, чтобы обеспечить себя продовольствием и деньгами для удовлетворения служебных и личных нужд;[42] рабочие, крестьяне-отходники, сельские ремесленники, бурлаки и т.д. объединялись в трудовые артели для защиты, борьбы с конкурентами, повышения доходности своего промысла и т.п.;[43] с той же целью создавали артели нищие.[44] Даже преступники в тюрьмах и ссыльные в Сибири соединялись в артели ради выживания в тяжелейших условиях. Власть и управление в тюрьме и ссылке принадлежали исключительно арестантской общине, организованной по аналогии с крестьянской — со сходом, старостой и писарем.[45]

Принципиальные минусы общины, с точки зрения человека постиндустриальной эпохи, как традиционализм и замкнутость, сдерживание инициативы и индивидуализма, неспособность обеспечить высокую эффективность труда и непрерывное повышение жизненного уровня, казались людям доиндустриальной эпохи плюсами, поскольку создавали возможность для прямых и интенсивных человеческих контактов, не обремененных соображениями пользы и выгоды, гарантировали социальную защиту, сдерживали развитие всех видов неравенства и обеспечивали минимальными средствами к жизни. Община как форма социа-

---

42 D. Beyrau, *Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland*, Köln, 1984, S. 335-361; J. Bushnell, "The Russian Soldiers' Artel, 1700-1900: A Study and Interpretation," in: Bartlett (ed.), *Land Commune*, pp. 376-394.

43 Артельное начало в русском сельском хозяйстве // Отечественные записки. 1865. № 8; *[Воронцов] В.В.* Артель в кустарном промысле. СПб., 1895; *Громыко.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири. С. 209-221; Женские общины в Нижегородской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. Часть 19. 1847. № 8. С. 268-285; *Качалов Н.В.* Артели в древней и нынешней России. В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. 6. СПб., 1864; *Куликовский Г.И.* Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. Петрозаводск, 1897; *Пономарев.* Артельщина и дружества как особый уклад народной жизни // Северный вестник. 1888. № 12. Ч. 2; *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1913. С. 32-69; Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1, 2. СПб., 1873, 1874; I. Yosho, "The Artel' and the Beginnings of the Consumer Cooperative Movement in Russia," in: Bartlett (ed.), *Land Commune*, pp. 363-375.

44 *Максимов С.В.* Избранные произведения в двух томах. М., 1987. Т. 2. С. 447-480.

45 *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 146-188; см. также: A. Wood, "Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia," in: Bartlett (ed.), *Land Commune*, pp. 395-414.

льной организации долго отвечала реальным потребностям крестьян и мещан — тех, кого называли народом и кто составлял свыше 90% населения страны. Совершенно прав был Э. Дюркгейм, когда писал: "Ни один человеческий институт не мог быть построен на ошибке или вымысле. Если бы он не основывался на самой природе вещей, он бы встретил в них сопротивление, которого он не мог бы преодолеть".[46]

Структурный и функциональный дуализм сельской и городской общины, ее способность служить государству и интересам своих членов, обеспечивали ей поддержку изнутри — со стороны крестьян и представителей городского сословия, и извне — со стороны государства, которое до начала XX в. укрепляло общинную парадигму в реальной жизни и в народной психологии и само пыталось решать социальные вопросы с помощью общинных организаций. Так, в XVIII - начале XIX вв. коронная администрация всячески способствовала утверждению передельной общины среди крестьян, вводила общинные формы организации труда на казенных предприятиях, после эмансипации и вплоть до 1906 г. повсеместно утверждала общинный порядок в деревне, и еще в 1859-1865 гг. имела намерение решать рабочий вопрос также с помощью артелей и рабочих ассоциаций.[47]

Общинная собственность на недвижимое имущество также поддерживала традиционный строй крестьянских и посадских общин, о чем свидетельствует то, что параллельно с ее вытеснением частной собственностью происходило и разрушение общинной организации. Князья, бояре, монастыри, высшее духовенство владели землей на праве частной собственности до середины XVI в., когда это право было ограничено. Вновь право частной собственности на свои поместья дворянство приобрело фактически в 1714 г., а окончательно - в 1762 г. Право на частную недвижимую собственность, кроме земли, у городского сословия появилось в начале XVIII в.; право же иметь землю в частной собственности городское сословие приобрело одновременно с государственными крестьянами в начале XIX в., а владельческие крестьяне — в 1860-е гг. Реальную возможность для всех-крестьян превратить надельную землю в частную собственность дала Столыпинская реформа в 1906 г. Соответственно дворянство практически не знало общности, а у городского сословия она разрушилась быстрее и раньше, чем у крестьян.

Ограничение имущественной дифференциации, систематическое исключение из общин так называемых "порочных членов", а также добровольный исход из общин лиц с отклоняющимся поведением долгое время поддерживали экономическую однородность и духовную близость членов общины и консолидировали ее. Уровень социальной мобильности, степень замкнутости и осведомленности ее членов об окружающем мире были намного ниже в крестьянской, чем городской общине, что обеспечило первой более долгую жизнь.

Долгое время существовавшая монополия сельской общины на формирование личности приводила к тому, что общинные ценности твердо усваивались

---

46 E. Durkheim, *Les formes élémentaires de la vie religieuse*, Paris, 1912, p. 3.

47 R. Zelnik, *Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855-1870*, Stanford, CA, Stanford University Press, 1971, pp. 144-146.

крестьянами и становились их персональными ориентациями в жизни. Отсюда проистекали однородность крестьян, их похожесть друг на друга с точки зрения менталитета, образа жизни и поведения. Городские и дворянские корпорации такой монополией не обладали, поэтому они раньше прекратили свое существование как общности.

Низкая грамотность также поддерживала организации типа общности. Во-первых, любой факт, любое событие в жизни намного эмоциональнее переживаются неграмотным, чем грамотным, так как у первого отсутствует привычка, которую дает регулярное чтение, смотреть на все, в том числе на себя, со стороны, глазами постороннего. По необходимости у неграмотного более узкий кругозор, чем у грамотного, но зато неграмотный всегда чувствует более глубокую сопричастность со всем, с чем сталкивает его жизнь, к людям у него также более персональное и эмоциональное отношение, чем у грамотного. Во-вторых, при низкой грамотности социализация и все воспроизводство культуры данной корпорации происходят путем непосредственной передачи опыта от одного поколения к другому. А такой способ передачи культурного наследства обычно ориентировал человека на традицию, а не на изменение. В отношении грамотности крестьяне всегда уступали городскому сословию, а последнее — дворянству. В 1797 г. грамотность сельского населения старше 9 лет составляла 4%, а городского - 10%, в 1917 г. - соответственно 38 и 71%. По сословиям грамотность различалась еще резче: в 1847 г. грамотность крестьян равнялась 10%, городского сословия - 30, дворянства - 76%, в 1917 г. - соответственно 36, 64 и 90%.[48] Из сказанного вовсе не следует, что массовая грамотность автоматически вела к трансформации общности в общество. Однако грамотность являлась необходимым условием для этого.

Если иметь Россию в целом, то процесс изживания общинных форм организации социальных отношений в XVIII - начале XX вв. существенно продвинулся вперед, хотя к 1917 г. был еще далек от своего завершения. В ходе Столыпинской реформы около трети крестьянства вышло из сельской передельной общины с желанием устроить свою жизнь на других основаниях. Если бы не революция 1917 г., этот процесс продолжился бы и, наверное, как обещал Столыпин, через 20 лет завершился бы в основных чертах и для крестьянства, и для страны в целом. Октябрьская революция изменила вектор общественного развития России. Она привела к возрождению общинных отношений как в деревне, так и в городе. Коллективизация и индустриализация закрепили успех. Большевики с полным основанием могли заявить: "Община умерла, да здравствует община!"

48 *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 82, 85.